

Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в Республике Татарстан

Ч. И. Ильдарханова*

В. А. Гневашева

А. Ф. Валидова

*Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Россия),*

** chulpanildusovna@gmail.com*

Введение. Активность женщин на рынке труда, нежелание прерывать карьеру и сталкиваться с проблемой снижения доходов от трудовой деятельности являются теми факторами, которые препятствуют повышению рождаемости и влияют на репродуктивное поведение женщин. Под действием идеологических установок и под влиянием материальных факторов женщины сталкиваются с необходимостью брать на себя огромную долю семейных обязанностей и поддерживать баланс между работой и семьей. Целью статьи является анализ удовлетворенности и востребованности женщинами действующей государственной поддержки в Республике Татарстан в области создания условий для совмещения занятости в семье и на работе.

Материалы и методы. Основу исследования составили результаты прикладного социологического исследования «Трудовая занятость в структуре репродуктивно-родительских стратегий современной женщины в Республике Татарстан». Среди методов использовался сравнительный анализ полученных микроданных по оценке удовлетворенности женщин-матерей своим положением в контексте конфликта семьи и занятости в условиях существующей семейно-демографической политики в разрезе «город – село».

Результаты исследования. Подтверждена гипотеза о значительной роли системы дошкольных учреждений в достижении женщинами баланса между оплачиваемым трудом и материнством, при этом степень успеха реализации данной меры зависит от типа поселения. Предложены новые подходы в области поддержки семей с детьми. По мнению авторов, основные составляющие политики государства по обеспечению баланса жизни и труда для женщин-матерей должны

© Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф., 2019

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

включать в себя практику гибких форм занятости, позволяющих сочетание участия на рынке труда с материнством, а также доступ к качественным услугам по уходу за детьми.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволили сделать вывод, что вне зависимости от типа поселения финансовое состояние домохозяйств и жилищные условия, а также состояние здоровья в большей степени мешают женщинам в Республике Татарстан иметь желаемое количество детей. Материалы статьи будут полезны представителям власти для разработки программ по оптимизации регионального процесса регулирования занятости женщин.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, демография, экономическая активность женщин, материнство, трудовая занятость

Dialogue of Labor and Motherhood in the Context of Socio-Economic and Territorial Differentiation in the Republic of Tatarstan

Ch. I. Ildarhanova*, V. A. Gnevasheva, A. F. Validova

*Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia),*

** chulpanildusovna@gmail.com*

Introduction. Women's activity in the labor market, reluctance to interrupt their careers and face the problem of lowering income from work are the factors that impede the increase in birth rates and affect the reproductive behavior of women. Under the influence of ideological attitudes and material factors, women are faced with the need to assume a huge share of family responsibilities and maintain a balance between work and family. The objective of this study is to analyze women's satisfaction with and demand for the existing state support in the Republic of Tatarstan targeted at creating conditions for combining household work and paid jobs.

Materials and Methods. The study was based on the results of the applied sociological study 'Labor activity in the structure of reproductive and parental strategies of a modern woman in the Republic of Tatarstan'. The method of comparative analysis of the microdata obtained was used to assess the extent to which of women with children are satisfied with their position in the context of the conflict of family and employment in the situation of the existing family and demographic policies in the opposition of 'city – village'.

Results. The study has confirmed the hypothesis about a significant role of the system of preschool institutions in making it possible for women to achieve a balance between paid work and motherhood, while the degree of success depends on the type of settlement. New approaches to supporting families with children have been proposed. According to the authors, the main components of state policies to ensure the balance of life and work for women with children should include the practice of flexible forms of employment, making it possible to combine participation in the labor market with motherhood, as well as access to quality childcare services.

Discussion and Conclusion. The results obtained made it possible to conclude that, regardless of the type of settlement, the financial position of households and the housing conditions, as well as the state of health, to a greater extent prevent women in the Republic of Tatarstan from having the desired number of children. The

materials of the article may be useful to the authorities when developing programs to optimize the regional process of regulating employment of women.

Keywords: reproductive behavior, birth rate, demography, women's economic activity, motherhood, employment

Введение. Ведущую роль в создании благоприятного диалога по охране материнства играют правительственные структуры федерального, регионального, муниципального уровней, ключевыми партнерами которых по вопросам трудовых отношений и занятости являются работодатели и профсоюз. Построение диалога между работой и семьей включает эффективную политику охраны материнства, подразумевающую обеспечение предприятиями дружелюбной по отношению к матери и к семье среды, учитывающей потребности как работников, так и работодателей. Финансовые меры со стороны государства по облегчению стоящего перед матерями конфликта «семья – работа» сокращают расходы семей на воспитание детей и тем самым содействуют повышению рождаемости.

Согласно экономической теории, альтернативные стратегии женщин, основанные на рациональном выборе, зависят от объема потерянного дохода во время ухода за ребенком: 1) для женщин с более высоким заработком размер потерянного дохода выше, следовательно, они выберут выход на работу и оплату детского сада; 2) остаться дома предпочтут женщины с маленьким доходом и те, кто выбирает роль неработающей матери. В данном случае субсидия со стороны государства повышает объем потерянного дохода, а значит, создает стимулы для выхода на работу, в результате чего возрастает занятость женщин. С другой стороны, для работающих матерей вводимое государством пособие или субсидирование детского сада представляет собой эффект дохода и оказывает отрицательное воздействие на число рабочих часов, которое выберет женщина (она может сократить число часов рабочего времени после введения субсидии), а значит, снизится и уровень занятости женщин-матерей.

В Республике Татарстан в рамках национального проекта «Демография»¹ заложены средства на финансовую поддержку семей при рождении детей, включающие различные формы поддержки в зависимости от очередности рождения детей, а также создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин с детьми. Последнее предполагает создание в республике новых мест в организациях по уходу за детьми до трех лет и масштабную подготовку женщин в качестве работников,

¹ Национальный проект «Демография». URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 14.01.2019).

оказывающих услуги по присмотру и уходу за детьми дошкольного возраста².

Основной научной целью статьи является эконометрический и социологический анализ удовлетворенности и востребованности женщинами действующей государственной поддержки в Республике Татарстан в области создания условий для совмещения занятости в семье и на работе.

В соответствии с целью выдвигаются следующие задачи:

1) оценка действующих федеральных и региональных программ по повышению рождаемости и материальной поддержке семей в контексте демографических задач и задач содействия занятости женщин;

2) изучение влияния социальных программ, направленных на сокращение бедности среди семей с детьми, экономическую активность, доходы и состояние профессиональных навыков женщин-матерей;

3) проведение анализа российских и зарубежных исследований, посвященных оценке эффективности мер по поддержке женщин на положение женщин на рынке труда (доходы, профессиональные навыки и образование, гендерное неравенство);

4) по результатам анализа данных по Республике Татарстан формулирование рекомендаций по стимулированию экономической активности женщин и созданию условий для совмещения женщинами выполнения родительских обязанностей с трудовой занятостью.

Обзор литературы. В научной среде много исследований было посвящено изучению возможностей моделирования и прогнозирования занятости, ее структурных компонент, попыток системного обоснования взаимозависимости социально-экономических факторов социальной сферы в сопряжении с проблемами труда и занятости. Однако пока не сформировано направление системной и прогностической оценки взаимовлияния социально-экономических и демографических факторов, несомненно значимых для национальной безопасности государства и оказывающих ключевое влияние на развитие человеческого капитала страны.

На сегодняшний день в научной литературе нет единого мнения по поводу степени влияния семейной политики на родительские стратегии современных женщин. Согласно экономической теории репродуктивного поведения, снижение желаемого числа детей обусловлено увеличивающейся ценой времени женщины. Основоположник экономической теории фертильности Г. Беккер считает решение иметь детей сугубо рациональным, которое принимается в целях максимизации полезности и зависит от издержек и выгод, связанных с появлением ребенка, в условиях

² Паспорт Регионального проекта «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». URL:http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1767410.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

ограниченного дохода³. Согласно экономической модели репродуктивного поведения, перед женщиной-матерью стоит выбор между получением дохода от трудовой деятельности (в данном случае он равен разности между заработной платой и оплатой услуг по уходу за ребенком) и выполнением семейных обязанностей по уходу за ребенком [1]. Данный механизм описан в статической модели предложения рабочей силы, где спрос на свободное время снижается с повышением уровня заработной платы и наблюдается прямая положительная зависимость: рост заработной платы приводит к росту предложения на рынке труда. Однако доход от нетрудовой деятельности, в том числе пособия, субсидии и другие меры поддержки семей, посредством эффекта дохода вызывает сокращение предложений на рынке труда. Таким образом, экономическая теория не дает однозначного ответа по поводу общего эффекта мер семейной политики, направленной на повышение рождаемости и поддержку семей с детьми [2]. В частности, на решение женщины работать и совмещать материнство с формальной занятостью оказывает влияние целый ряд других факторов, таких как демографические и семейные характеристики, доход других членов домохозяйства, собственные предпочтения и т. д.

Некоторые исследования обращают внимание на то, что процесс урбанизации на уровне страны приводит к различиям в состоянии гендерного неравенства у городского и сельского населения; возрастные модели рождаемости в городах и в сельской местности также различаются. Так, российский демограф С. В. Захаров, сравнивая изменения значений среднего возраста матери для города и села, показывает, что темпы старения рождаемости в городском населении превышают этот показатель для сельского населения, и выдвигает гипотезу о формировании в России разных моделей рождаемости: «постиндустриальной городской», для которой характерна более эффективная политика планирования семьи, позднее вступление в родительство и низкие нормы детности, и «сельской, сохраняющей черты более традиционного прототипа», характеризующейся более ранним вступлением в родительство и более высокими нормами детности [3].

Д. Блум с соавторами, учитывая разную степень урбанизации в различных странах, проводит анализ влияния рождаемости на уровень экономической активности женщин и приходит к выводу о высокой отрицательной корреляции между уровнем рождаемости и занятостью женщин, что подтверждает теорию альтернативной стоимости рождения ребенка [4]. Количественный анализ, сделанный авторами, дает следующие результаты: с каждым последующим ребенком активность

³ Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 304 p.

матери на рынке труда в среднем снижается на 10–15 % для женщин в возрасте 20–39 лет и на 5–10 % для женщин в возрасте 40–49 лет [4]. Выводом этого подхода является положительное влияние снижения уровня рождаемости в развитых странах на трудовую активность женщин, что в свою очередь способствует росту использования человеческого капитала в экономике.

Особый интерес представляют теоретические и эмпирические работы по изучению баланса жизни и труда у женщин. В постиндустриальных странах глобализация, технологический прогресс и изменение характера занятости в сторону повышения сложности выполняемых задач на рабочем месте, рост количества профессий в сфере услуг, требующих высокого образования и умственного труда, наряду с трансформациями семейных норм, способствующих высокой вовлеченности женщин на рынке труда, привели к переходу к форме семьи, состоящей из двух работающих супругов. Таким образом, вопрос нахождения баланса между семьей и занятостью становится особенно актуальным и является объектом многих исследований [5–8]. В современных условиях с конфликтом между семьей и занятостью в большей степени сталкиваются женщины, так как именно на них ложится ноша необходимости совмещения домашних обязанностей с формальной трудовой занятостью [9; 10]. Этот процесс приводит к гендерной дискриминации на рынке труда вследствие необходимости выбора в пользу форм занятости, позволяющих совмещать их с уходом за детьми. Так, например, многие женщины вынуждены работать меньшее количество часов, делать выбор в пользу работы, не предусматривающей карьерного роста, а порой и вовсе отказываться от карьеры. Немаловажно отметить и эмоциональные проблемы, которые порождает необходимость женщинами выполнять двойную роль работающей матери. Разрываясь между уходом за детьми и рабочим графиком, многие женщины не ощущают удовлетворенности ни от одной из ролей и чувствуют, что не справляются со своими обязанностями. Таким образом, наряду с практической стороной проблемы совмещения семьи и работы эмоциональная сторона конфликта материнства и занятости также играет свою роль [11].

В несколько ином ракурсе рассмотрен вопрос участия женщин-матерей в формальной занятости в публикации Л. Уаттиса и соавторов, где говорится о положительных аспектах вовлеченности матерей в работу [12]. Позитивное влияние выхода на работу и возможности включиться в профессиональную сферу, при этом выполняя роль матери, часто остается вне интереса исследований, посвященных конфликту материнства и труда. Авторы в результате проведенного анализа выделяют такие положительные факторы выхода женщин на работу, как повышение самооценки, обретение той или иной степени

финансовой независимости, необходимости выхода из самоизоляции, которая часто возникает при непрерывном уходе за детьми и ведении домашнего хозяйства [12]. В данном случае сочетание материнства и занятости можно назвать не конфликтом, а скорее диалогом; возможность самореализации женщин, идентификация себя не исключительно в качестве матери, но и в качестве члена общества позволяют найти баланс труда и материнства.

Обзор теоретических и прикладных исследований, посвященных изучению роли государственной семейной политики, подтверждает пользу финансовых мер по поддержке рождаемости, снижающих альтернативную стоимость рождения и воспитания ребенка [13–15]. Относительно влияния материальной поддержки на уровень занятости матерей, метаанализ научно-практических исследований дает неоднозначный ответ, а некоторые работы и вовсе указывают на отрицательный эффект такой поддержки. Щедрая социальная поддержка женщин-матерей снижает вероятность выхода их на работу. Длительный отпуск по уходу может иметь негативные последствия: женщина переходит в категорию экономически неактивного населения и теряет профессиональные навыки, а также подвергается дискриминации на рынке труда.

Важной составляющей государственной семейной политики, оказывающей непосредственное влияние на вопрос достижения матерями баланса между семьей и занятостью, является доступ к системе детских садов. Проблема нахождения баланса материнства и труда усугубляется недостатком доступа к услугам по уходу за детьми дошкольного возраста. Данная проблема имеется не только в России; степень финансирования детских садов в разных странах отличается. Д. Вури подразделяет страны по типу системы институционального ухода за детьми на три основные группы: 1) страны Северной Европы, в которых действует всеобщее субсидирование государственных детских садов; 2) страны Южной Европы с системой государственных (бесплатных), но малодоступных детских садов; 3) Великобритания, США и Канада, в которых превалирует доля частных дорогостоящих детских садов, а субсидии распространяются в основном на неполные семьи [16].

Важнейшим фактором является стоимость посещения детских садов. В ряде стран она достигает половины средней заработной платы, что говорит об очень ограниченном доступе к данной услуге. Исследования, проведенные в Германии, показали, что большая доля женщин, имеющих маленьких детей, предпочли бы полную занятость, если бы они имели доступ к субсидируемому детским садам [17]. Другие исследования также подтверждают, что страны, предоставляющие доступ к бесплатным дошкольным учебным учреждениям, имеют более высокую долю матерей, участвующих на рынке труда. В этих странах большая доля детей посещает

детские сады. Особенно высока трудовая активность женщин там, где субсидии на посещение детских образовательных учреждений предоставляются всем работающим родителям. Востребованность государственных услуг по уходу за детьми гораздо выше в странах с высоким качеством предоставляемых образовательных услуг, в случае же недостаточно хорошего качества данных услуг посещаемость детских садов низкая.

В отечественной науке анализу результативности новой семейной политики России⁴ с точки зрения ее влияния на рождаемость, поддержку семей с детьми, и в первую очередь матерей, посвящены исследования Л. Н. Овчаровой⁵, В. Н. Архангельского⁶, Ф. Слонимчика и А. В. Юрко [18], С. В. Захарова⁷, В. Елизарова [19]. Большинство российских демографов склонны считать, что данные меры поощрения рождаемости (программа материнского капитала и др.) оказали незначительное влияние на итоговую рождаемость, а вызвали лишь краткосрочные изменения календаря рождений⁸ [18]. Согласно результатам моделирования Ф. Слонимчика и А. В. Юрко, политика материнского капитала увеличила долгосрочную рождаемость примерно на 0,15 детей на женщину, при этом разницы в «эффекте материнского капитала для трудоустроенных и нетрудоустроенных женщин не обнаружено», однако «эффект ... был более значительным для женщин, проживающих с супругом» [18].

Ряд авторов исследований по оценке эффективности семейной политики в современной России и в регионах приходят к выводу, что одним из важнейших факторов, влияющих на репродуктивное поведение женщины, является доступ к услугам по уходу за детьми [20; 21]. О. В. Синявская полагает, что нехватка детских садов в России и «низкое качество предоставляемых услуг препятствуют раннему выходу женщин на рынок труда после рождения ребенка»⁹.

⁴ О дополнительных мерах государственной поддержки семей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2006/12/31/roditelyam-dok.html> (дата обращения: 19.02.2019).

⁵ Овчарова Л. Н. Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований. Сер. «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 211. М.: Московский общественный научный фонд: Независимый институт социальной политики, 2010. 248 с.

⁶ Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. М.: Экон-Информ, 2016. 307 с.

⁷ Захаров С. В. Какой будет рождаемость в России? [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2012. № 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (дата обращения: 11.03.2019).

⁸ Исупова О. Г. Чему учит опыт семейной политики [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2017. № 739–740. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0739/tema01.php> (дата обращения: 11.03.2019).

⁹ Синявская О. В., Сухова А. С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенства в доступе. Семья в центре социально-демографической политики. Сб. аналит. ст. / Независимый ин-т соц. политики. М., 2009. С. 73–96.

Результаты теоретических и эмпирических работ по влиянию родительских отпусков, субсидирования детских садов и другой государственной финансовой поддержки по уходу за детьми неоднозначны и зависят от многих различных факторов: традиционной модели семьи в стране и соответственно степени активности женщин на рынке труда, существующих в стране институциональных условий, качества предоставляемых детскими садами услуг, а также уровня развитости рынка труда.

В целом эмпирические исследования позволяют сделать вывод, что относительно высокого уровня рождаемости в сочетании с высокой женской занятостью удалось добиться тем странам, в которых в рамках демографической и семейной политики проводится комплексная политика сочетания профессиональной и семейной жизни населения, позволяющая женщинам после деторождения вернуться на рынок труда и способствующая активному участию мужчин в воспитании детей. Обеспечить сочетание родителями занятости и ухода за детьми становится возможным в странах, которые ввели гендерно нейтральный отпуск по уходу за ребенком. Так, скандинавские страны лидируют по продолжительности отцовских квот в рамках родительского отпуска и, соответственно, отличаются высоким уровнем занятости женщин на рынке труда¹⁰ [22].

Представленные исследовательские и научно-литературные источники позволяют говорить о масштабном и диверсифицированном изучении проблем занятости разных категорий населения, об оценках факторного воздействия внешней среды на трансформацию форм занятости, о результатах изменения программ государственного регулирования и сопровождения эффективной занятости. Вместе с тем ряд специальных, в частности региональных, вопросов требует уточнения с целью проведения эффективной политики субъекта Российской Федерации в отношении социально-экономических процессов в обществе.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили аналитико-статистические материалы, предоставленные министерствами и ведомствами Республики Татарстан, включая статистические показатели, полученные Центром семьи и демографии по муниципальным районам и городским округам Республики Татарстан¹¹ [23], а также материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. Первичные данные были получены Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в результате социологического опроса женщин городских округов

¹⁰ Исупова О. Г. Семейная политика в развитых странах [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2016. № 701–702. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0701/tema01.php> (дата обращения: 11.03.2019).

¹¹ Демографический доклад – 2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан – 2030: моногр. / под общ. ред. Ф. А. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. 294 с.

и сельских районов Татарстана, проведенного в период с июня по октябрь 2018 г. (выборка – 2 830 женщин репродуктивного возраста). Анализ основных показателей репродуктивного поведения, полученных из анкет и статистических данных по Республике Татарстан, указывает на продолжающуюся тенденцию сдвига материнства к более поздним возрастам. В республике происходит перераспределение вклада отдельных возрастных групп женщин в формирование общего уровня рождаемости. С 2009 г. возрастная группа 25–29 лет по интенсивности рождений опережает более молодую возрастную группу (20–24 года). Показатели рождаемости в молодых возрастных группах продолжают снижаться, а в старших – увеличиваться. Особенно выросли показатели рождаемости среди женщин возрастной категории 30–34 лет и, как следствие, постепенно выравниваются показатели рождаемости у женщин 25–29 и 30–34 лет.

Средний возраст матери в Республике Татарстан продолжает повышаться: с 26,3 лет в 2000 г. до 28,9 лет в 2017 г.¹². Неудивительно, что процесс откладывания деторождения в большей степени коснулся районов с центром – городом республиканского подчинения или находящихся в территориальной близости к городским округам (Нижнекамский, Нурлатский, Зеленодольский, Верхнеуслонский, Лаишевский районы). Районы, в которых показатель среднего возраста материнства продолжает оставаться низким, имеют преимущественно сельское население (Сармановский, Атнинский, Нововешминский, Тукаевский районы).

Рост среднего возраста материнства проявляется не только на региональном уровне, но и является характерным для России в целом, а также присущ репродуктивной модели многих зарубежных стран. Возможность карьерного роста, свобода выбора в вопросах репродуктивного поведения и профессиональной занятости в экономике приводят женщин к отложенному деторождению. В данном исследовании определена значимость тех или иных факторов, способствующих данной тенденции в республике, а также основные препятствия для реализации женщинами своих репродуктивных намерений.

Для оценки удовлетворенности женщинами Республики Татарстан существующей в стране и регионе системы поддержки семей и материнства и ее влияния на принятие решений о рождении ребенка в рамках данной статьи авторами сформулированы и протестированы три рабочие гипотезы:

1) среди факторов, препятствующих реализации женщинами своих репродуктивных намерений, наибольшую роль играет материальное положение. Для проверки гипотезы проведен анализ основных фак-

¹² Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: Стат. сб. Казань: Изд. центр Татарстанстата, 2018. 162 с.

торов, мешающих женщинам республики иметь желаемое количество детей, а также сравнение значимости данных факторов для городского и сельского населения. В случае подтверждения данной гипотезы можно говорить о необходимости повышения финансовой поддержки семей в рамках семейной политики;

2) в условиях существующей семейной политики уровень участия женщин-матерей на рынке труда отличается от женщин, не имеющих детей. Для тестирования данной рабочей гипотезы был использован метод сравнения средних, а переменными, характеризующими степень участия женщины на рынке труда, являются продолжительность рабочей недели и среднемесячный доход;

3) меры семейной политики являются важнейшими факторами, необходимыми для выстраивания женщиной баланса между выполнением родительских обязанностей и карьеры. Проверка рабочей гипотезы проводилась с помощью анализа удовлетворенности и востребованности действующей системы семейной поддержки и таких ее составляющих, как детские пособия, материнский капитал, отпуск по уходу за ребенком, система дошкольных учебных учреждений и др.

Результаты исследования. Рассмотрим возможность эконометрического моделирования ряда факторов, позволяющих оценить степень взаимосвязи социально-экономических процессов, предполагаемых тематикой исследования. С одной стороны, важно показать степень включенности трендовых изменений рождаемости в рассматриваемом регионе в сопоставлении с общероссийской ситуацией, с другой – выявить степень взаимосвязи уровня рождаемости с изменением социально-экономических условий женщин (табл. 1).

Социально-экономическая модель оценки значимости факторов в трансформации процессов рождаемости в регионе рассматривалась нами ранее. Она исходит из общих «эконометрических предпосылок построения регрессионных моделей и предъясняет следующие общие требования к регрессорам и объясняемой переменной:

- зависимость имеет линейный вид;
- количество наблюдений больше, чем оцениваемых коэффициентов;
- математическое ожидание от ошибки при фиксированных регрессорах равно нулю;
- имеет место условная гомоскедастичность;
- имеет место условная некоррелированность случайных ошибок;
- векторы отдельных наблюдений независимы и одинаково распределены;
- среди регрессоров нет линейно зависимых;
- оценки эффективные и несмещенные»¹³.

¹³ Гневашева В. А. Социальная модель формирования рабочей силы: моногр. М.: Русайнс, 2016. 58 с.

Таблица 1. Статистические данные для построения множественной регрессии¹⁴
 Table 1. Statistics for constructing a multiple regression model

Год / Year	Коэффициент рождаемости в Республике Татарстан (на 1 000 чел.) (Y) / Fertility rate in the Republic of Tatarstan (per 1,000 people) (Y)	Коэффициент рождаемости в России (на 1 000 чел.) (X1) / Fertility rate in Russia (per 1,000 people) (X1)	Среднедушевой денежный доход в Республике Татарстан, руб. (X2) / Average per capita mon- etary income in the Republic of Tatarstan, rubles (X2)	Суммарный коэффициент рождаемости (на 1 женщину) (X3) / Total fertility rate (per 1 woman) (X3)	Уровень участия в рабочей силе населения Респу- блики Татарстан в возрасте 15–72 лет (X4) / Level of partic- ipation in the workforce of the population aged 15–72 in the Republic of Tatarstan (X4)
2008	11,7	12,0	14163,7	1,479	67,1
2009	12,3	12,3	15892,5	1,538	67,9
2010	12,9	12,5	18424,0	1,601	69,0
2011	13,4	12,6	20222,6	1,652	69,6
2012	14,5	13,3	24004,3	1,792	70,4
2013	14,7	13,2	26161,2	1,832	70,1
2014	14,7	13,3	29830,0	1,844	70,9
2015	14,7	13,3	32162,9	1,863	71,3
2016	14,3	12,9	32763,3	1,855	71,4
2017	12,4	11,5	32290,0	1,652	70,7
2018	11,9	10,9	33371,4	н/д / n/a	70,2

¹⁴ Таблица составлена на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Регрессионная статистика приведена в таблице 2. Полученный R^2 отражает тот факт, что включенные в модель факторы на 0,05 % объясняют определяемую зависимость, и только 0,5 % неучтенных в модели факторов также могут быть значимы для определения модели.

Т а б л и ц а 2. **Регрессионная статистика**

Table 2. **Regression statistics**

Показатель / Indicator	Значение / Value
Множественный R / Multiple R	0,997704
R-квадрат / R-squared	0,995414
Нормированный R-квадрат / Normalized R-squared	0,991745
Стандартная ошибка / Standard error	0,105713
Наблюдения / Observations	10

Дисперсионный анализ и анализ параметров регрессии позволяют сделать выводы о представленной регрессии (табл. 3). Так как F-фактическое значение F-критерия Фишера больше значимости F-табличное ($271,315 > 4,97E-06$), то корреляционно-регрессионную модель следует считать адекватной, и гипотеза о несостоятельности регрессии отвергается.

Т а б л и ц а 3. **Описательная статистика**

Table 3. **Descriptive Statistics**

Переменная / Variable	Коэффициенты / Coefficients	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t- statistics	P-значение / p-value
У-пересечение / y-intercept	-15,9234	6,335654	-2,5133	0,053611
X1	0,28559	0,295298	0,967126	0,377899
X2	-7,5E-05	3,08E-05	-2,41944	0,060159
X3	8,031073	2,1857	3,674371	0,014378
X4	0,199812	0,104111	1,91923	0,11304

Критическое значение $t_{кр}$ найдено для уровня значимости $\alpha = 5\%$ и числа степеней свободы $k = 9$ и составляет величину $t_{кр} = 2,2622$. По отношению к данному значению оценим t-статистику коэффициентов.

Для свободного коэффициента $\alpha = -15,9234$ определена статистика $t_{\alpha} = -2,5133$, что по модулю больше значения $t_{кр}$, значит, свободный

коэффициент значим при требуемом уровне значимости $p = 0,05$ и им нельзя пренебречь при регрессионном моделировании.

Для коэффициента регрессии $\beta_1 = 0,28559$ определена статистика $t_{\beta_1} = 0,967126$, что по модулю меньше значения $t_{кр}$, значит, данный коэффициент регрессии требует уточнения по степени значимости (формально определяемый как незначимый). Подчеркнем, что в данном случае определяется влияние переменной «коэффициент рождаемости в России в расчете на 1 000 чел.» на объясняемую переменную «коэффициент рождаемости в Республике Татарстан».

Для коэффициента регрессии $\beta_2 = -7,5E-05$ определена статистика $t_{\beta_2} = -2,41944$, что по модулю больше значения $t_{кр}$, значит, данный коэффициент регрессии значим при требуемом уровне значимости $p = 0,05$ и им нельзя пренебречь при регрессионном моделировании. В данном случае определяется влияние переменной «среднедушевой денежный доход в Республике Татарстан (руб.)» на объясняемую переменную «коэффициент рождаемости в Республике Татарстан».

Для коэффициента регрессии $\beta_3 = 8,031073$ определена статистика $t_{\beta_3} = 3,674371$, что по модулю больше значения $t_{кр}$, значит, данный коэффициент регрессии значим при требуемом уровне значимости $p = 0,05$ и им нельзя пренебречь при регрессионном моделировании. В данном случае определяется влияние переменной «суммарный коэффициент рождаемости (на 1 женщину)» на объясняемую переменную «коэффициент рождаемости в Республике Татарстан».

Для коэффициента регрессии $\beta_4 = 0,199812$ определена статистика $t_{\beta_4} = 1,91923$, что по модулю меньше значения $t_{кр}$, значит, данный коэффициент регрессии требует уточнения по степени значимости (формально определяемый как незначимый). Подчеркнем, что в данном случае определяется влияние переменной «уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 года Республики Татарстан» на объясняемую переменную «коэффициент рождаемости в Республике Татарстан».

Выводы о значимости коэффициентов модели сделаны на уровне значимости $\alpha = 5 \%$.

Рассматривая столбец «Р-значений», отметим, что свободный коэффициент α можно считать значимым на уровне $0,053611 = 5,4 \%$; коэффициент регрессии β_1 – на уровне $37,7 \%$; коэффициент регрессии β_2 – на уровне $6,0 \%$, коэффициент регрессии β_3 – на уровне $1,4 \%$, коэффициент регрессии β_4 – на уровне $11,3 \%$.

Полученные данные говорят о непосредственной зависимости двух переменных на объясняемую «коэффициент рождаемости в Республике Татарстан», а именно: «среднедушевой денежный доход в Республике Татарстан (руб.)» и «суммарный коэффициент рождаемости (на 1 женщину)».

Результат регрессионной оценки свидетельствует о значимости фактора денежного дохода для изменения рождаемости в республике, зависимость данных факторов является положительной: при росте среднедушевого дохода (общего уровня благосостояния) уровень рождаемости имеет тенденцию роста. В то же время второй положительно коррелируемый фактор с объясняемой переменной – «суммарный коэффициент рождаемости (на 1 женщину)» – говорит о необходимости адресного, целевого финансирования для увеличения рождаемости. В рассматриваемой модели зависимость уровня занятости, в том числе среди женщин, с изменением уровня рождаемости прослеживается слабо.

Социально-экономические предпочтения женщин в планировании семьи предопределены не тем количеством часов труда, которые они готовы предложить на рынке труда, а уровнем их благосостояния, достигаемым в том числе и за счет нетрудового дохода. Экономические предпочтения смещены с позиции активного трудоустройства в сторону получения необходимого уровня благосостояния, а социальные – с общественно-трудоустройства на семейное. По данным исследования, возможно предположить, что речь идет о женщинах в возрастной категории 25–35 лет, несмотря на то что до 2015 г. возрастной коэффициент рождаемости для группы 20–24 лет составлял 85,9 %.

По данным исследования можно сделать вывод о существенных территориально-общественных и национальных особенностях трендовых изменений в рассматриваемом субъекте, во многом отличных от среднего распределения в целом по России, что также подтверждает необходимость формирования адресной поддержки и целевых программ на территории республики.

Полученные данные подтверждают все три ранее выдвинутые гипотезы исследования:

– среди факторов, препятствующих реализации женщинами своих репродуктивных намерений, наибольшую роль играет материальное положение;

– в условиях существующей семейной политики уровень участия женщин-матерей на рынке труда отличается от женщин, не имеющих детей;

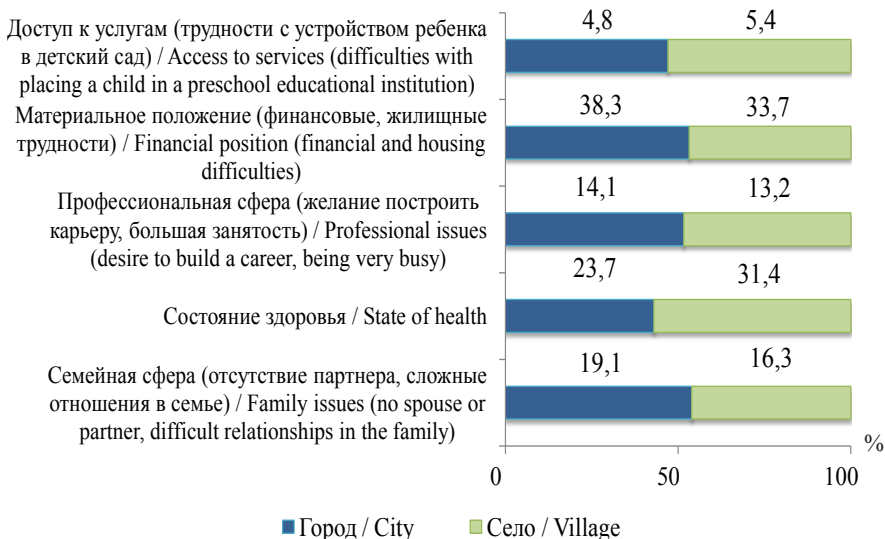
– меры семейной политики являются важнейшими факторами, необходимыми для выстраивания женщиной баланса между выполнением родительских обязанностей и карьеры.

Рассмотрим более подробно значимость отдельных факторов.

Результаты микроданных социологического исследования, проведенного Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, позволили авторам выявить основные факторы, препятствующие реализации женщинами своих репродуктивных намерений в Республике Татарстан (рис. 1). Общая тенденция, которую демонстрирует реакция

респондентов вне зависимости от типа поселения, характеризуется тем, что материальное положение (включающее как финансовые, так и жилищные трудности) занимает лидирующую позицию среди препятствий на пути деторождения (37,6 %), а на второе место выходит состояние здоровья населения (25 %).

Р и с. 1. Сравнение факторов, мешающих иметь желаемое количество детей, в разрезе «город – село»

F i g. 1. Comparison of factors preventing women from having the desired number of children in the opposition of 'city – village'

Анализ данных в разрезе «город – село» показывает, что неудовлетворенность материальным положением городского населения несколько выше, чем сельского (38,3 и 33,7 % респондентов соответственно отметили этот фактор как решающий), однако максимальное число женщин, указавших материальные трудности в качестве главного препятствия реализации репродуктивных намерений, проживают в поселках городского типа (46 %). Что касается состояния здоровья как фактора, мешающего иметь желаемое количество детей, отчетливо видно преобладание его значимости для сельского населения, видимо, из-за более высокого качества и лучшего доступа к услугам системы здравоохранения в городах. Проблемы семейной сферы (отсутствие супруга и сложные отношения в семье) были отмечены в качестве препятствия для рождения желаемого числа детей почти 20 % женщин, проживающих в городе. Это выше, чем процент сельских женщин, указавших на данный фактор.

Разделение респондентов по типу поселения на категории «город» и «село» показало, что такой фактор, как профессиональная сфера, мешает иметь желаемое количество детей в среднем около 14 % женщин обеих категорий.

Прежде чем приступить к оценке удовлетворенности данными мерами женщинами Республики Татарстан, нам необходимо определить, насколько сильно отличается степень участия женщин-матерей на рынке труда от женщин, еще не вступивших или принявших решение не вступать в материнство. Для сопоставления среднего количества рабочих часов в неделю с детьми и без них у женщин, нами был проведен t-тест для независимых выборок. В таблицах 4 и 5 отражены средние значения длины рабочей недели, стандартные отклонения и стандартные ошибки средних в обеих группах женщин, а также результаты t-теста: значение распределения t и вероятность ошибки p .

Т а б л и ц а 4. Г р у п п о в ы е с т а т и с т и к и

T a b l e 4. G r o u p s t a t i s t i c s

Показатель / Indicator	Наличие детей / Presence of children	N	Среднее / Average	Стандартное отклонение / Standard deviation	Стандартная ошибка среднего / Standard error
Количество часов рабочего времени, включая сверхурочные / Number of hours of work time, including overtime	Нет детей / No children	426	39,54	19,64	0,95
	Есть дети / With children	1240	38,56	13,52	0,38

Среднее значение длины рабочей недели женщин, не имеющих детей, выше, чем женщин-матерей, однако различия между количеством часов рабочего времени не является статистически значимым, так как вероятность ошибки $p > 0,05$.

Анализ таблицы сопряженности для городского населения для двух переменных: среднемесячной заработной платы, характеризующей доход респондента и количества детей, показывает, что на 1, 2 и 3 местах по частоте совместного распределения находятся категории женщин со среднемесячной заработной платой от 10 до 20 тыс. руб., имеющих соответственно двух детей, одного ребенка и женщин, не имеющих детей. С увеличением уровня зарплаты (от 20 до 30 тыс. руб.) доля этих женщин снижается в той же пропорции.

Численность женщин, не имеющих детей, и многодетных матерей (имеющих 3 и более детей) в категории с более низким доходом

Таблица 5. Тест для независимых выборок
Table 5. Test for independent samples

Показатель / Indicator	Тест Левена на равенство дисперсий / Levene's test for equality of variances		Тест Стьюдента на равенство средних / Student's t-test for equality of means						
	F	Значимость / Significance	t	Степень свободы / Degrees of freedom	Значимость (2-сторонняя) / Significance (two-sided)	Разность средних / Difference of means	Стандартная ошибка разности / Standard error of the difference	95 % – доверительный интервал разницы / 95 % – confidence interval of the difference	
								Нижняя граница / Lower endpoint	Верхняя граница / Upper endpoint
Количество часов рабочего времени, включая сверхурочные / Number of hours of work time, including overtime:	3,15	0,076	1,141	1664	0,254	0,98	0,86	-0,70	2,67
равенство дисперсий / equal variances			0,957	569,4	0,339	0,98	1,02	-1,03	2,99
неравенство дисперсий / Unequal variances									

(от 5 до 10 тыс. руб.) превосходит численность женщин групп, относящихся к категории с более высоким доходом (30–40 тыс. руб.). Напротив, женщины, имеющие одного или двоих детей и относящиеся к категории респондентов с более высокой заработной платой (30–40 тыс. руб.), по численности превышают женщин с низким доходом (5–10 тыс. руб.). Объяснить такую тенденцию можно тем фактом, что среди женщин с низким доходом преобладают или очень молодые женщины, не начавшие карьеру, а также работающие студентки (среди них процент женщин, не имеющих детей, очень велик), или многодетные матери, относящиеся к более низкому социальному статусу (не работающие женщины и домохозяйки были исключены из анализа данных переменных).

Результаты анализа таблиц сопряженности для сельского населения отличаются незначительно, однако категория женщин со среднемесячной заработной платой от 10 до 20 тыс. руб. и имеющих двоих детей является доминирующей в совместном распределении доходов и количества детей с большим отрывом от других категорий. Кроме того, в отличие от городских респондентов, достаточно много женщин, не имеющих детей, относятся к занятым, получающим очень низкий среднемесячный доход (до 5 000 руб.), что указывает на худшее материальное положение молодежи на селе.

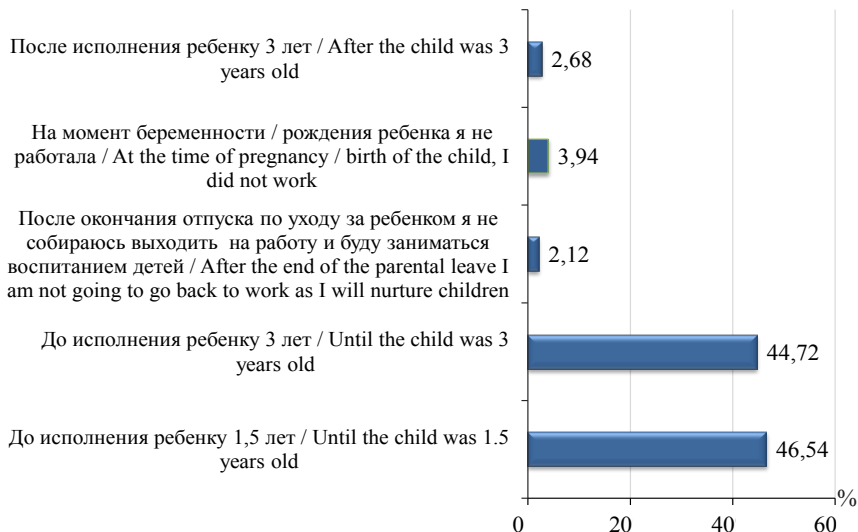
Для оценки эффективности существующей в стране и регионе системы поддержки семей с детьми (гипотеза 3) авторами были проанализированы результаты анкетирования, касающиеся длительности используемого декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, посещения детьми детских садов, использования матерями возможности гибко организовать рабочее время с учетом семейных потребностей, а также оценки женщинами роли материнского капитала.

Результаты опроса отражают большую роль, которую играет отпуск по уходу за маленьким ребенком в построении матерями баланса между родительскими обязанностями и трудом (рис. 2). Согласно рисунку 2, доли матерей, использовавших только оплачиваемый отпуск (до достижения ребенком 1,5 лет) и неоплачиваемый (до достижения ребенком 3 лет), разделились приблизительно поровну и составили подавляющее большинство, в то время как на матерей, не вышедших после рождения ребенка на работу или вернувшихся на работу позднее окончания неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, приходится очень низкий процент. В качестве главной причины досрочного выхода из декретного отпуска и поступления на работу большинство матерей указали необходимость повышения доходов семьи и нехватку денежных средств ввиду слишком маленького детского пособия.

Результаты также указывают на высокую востребованность семьями с детьми детских дошкольных учреждений: в среднем по республике 80 % респондентов регулярно пользуются услугами детского сада. Отдельно нами было рассмотрено, насколько отличается доступность услуг детских

садов женщинами с детьми до 3 лет и от 3 до 7 лет включительно (рис. 3). Сравнение отдельных групп продиктовано существующей нехваткой ясельных групп в Республике Татарстан, что отрицательно воздействует на занятость женщин с маленькими детьми.

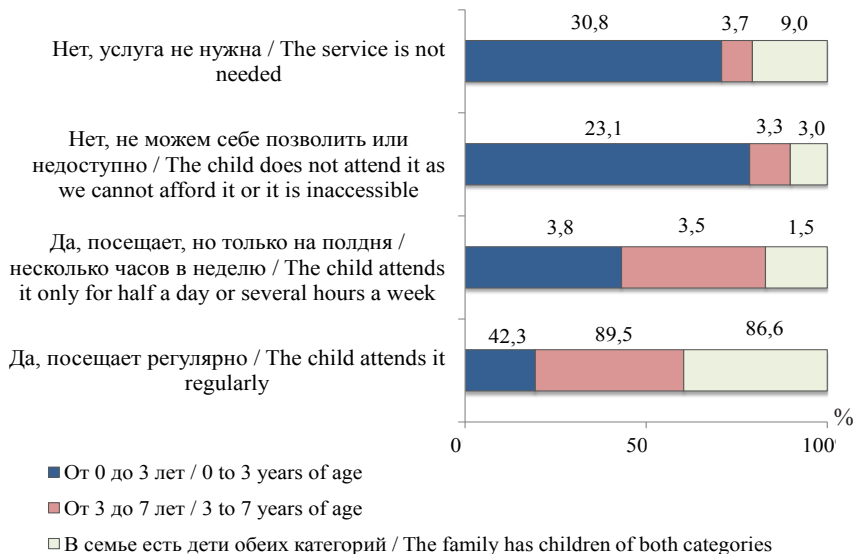

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос «Как долго вы находились в отпуске по уходу за ребенком?», %

F i g. 2. Distribution of answers to the question “How long have you been on parental leave?”, %

Согласно данным анкетирования, порядка 90 % детей в возрасте от 3 до 7 лет регулярно посещают детские сады, в то время процент детей в возрасте до 3 лет, на регулярной основе посещающих детские сады, не столь высок (чуть более 40 %). Около трети респондентов с маленькими детьми ответили, что не нуждаются в услугах яслей, 23 % – не могут себе позволить данную услугу. Интересно отметить, что согласно утвержденному в Республике Татарстан региональному проекту «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет» в рамках национального проекта «Демография», «к 2024 году планируется обеспечить 78,9 % женщин, имеющих детей, возможностью совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями, в том числе за счет повышения доступности дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»¹⁵.

¹⁵ Паспорт регионального проекта «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». 12.12.2018. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1767410.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

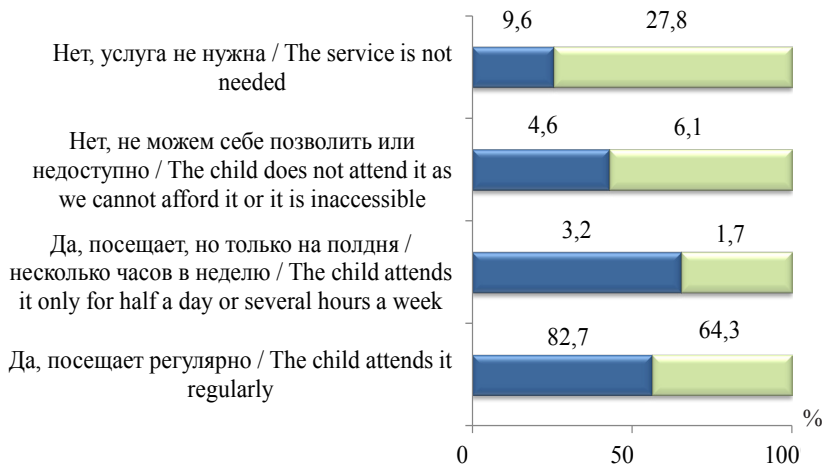

Р и с. 3. Статистика посещаемости дошкольных учреждений детьми до 7 лет в Республике Татарстан, %

F i g. 3. Statistics of attendance of preschool institutions by children under 7 in the Republic of Tatarstan, %

На рисунке 4 показаны результаты опроса женщин Республики Татарстан по вопросу посещения их детьми детских садов в ракурсе сравнения города и села. Большой процент регулярного посещения детских садов детьми, проживающими в городе (82,7 %), по сравнению с сельскими детьми (64,3 %), наглядно демонстрирует более высокую доступность и востребованность данной услуги в городе. Доля респондентов – жителей села, ответивших, что услуга детского сада им не нужна, более чем в два раза превышает городских женщин, принявших участие в социологическом опросе (27,8 и 9,6 % соответственно).

Распределение респондентов по посещаемости их детьми детских садов говорит в поддержку рабочей гипотезы о важности системы дошкольных учреждений в достижении женщинами баланса между трудовой занятостью и материнством, при этом степень успеха реализации данной меры семейной политики зависит от типа поселения. Для подтверждения связи между такими переменными, как посещаемость детского сада и тип поселения, авторами был использован критерий независимости χ^2 (хи-квадрат) (табл. 6).

Р и с. 4. Статистика посещаемости дошкольных образовательных учреждений в городских округах и сельских районах Республики Татарстан, %

Fig. 4. Statistics of attendance of preschool educational institutions in urban districts and rural areas of the Republic of Tatarstan, %

Т а б л и ц а 6. Критерий хи-квадрат

Table 6. Chi-squared test

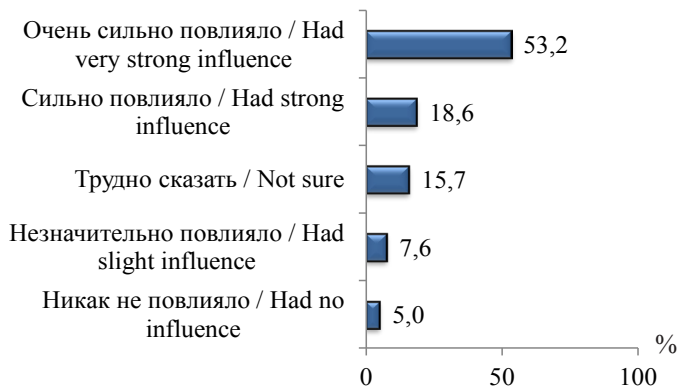
Показатель / Indicator	Значение / Value	Степень свободы / Degrees of freedom	Асимптотическая значимость (2-сторонняя) / Asymptotic significance (two-sided)
χ^2 (Хи-квадрат / Chi-squared)	33,81125	6	0,000
Отношение правдоподобия / Likelihood ratio	29,56121	6	0,000
Количество валидных наблюдений / Number of valid observations	780		

Из результатов вычисления критерия хи-квадрат и расчета уровня значимости данной статистики следует, что нулевая гипотеза о независимости переменных неверна, следовательно, связь между переменными «посещаемость детского сада» и «тип поселения» существует. Таким образом, различия в степени использования данной услуги по уходу за ребенком в городах и сельской местности являются статистически значимыми.

Другая мера, способствующая совмещению женщинами материнских и трудовых обязанностей, представляет собой появление возможности использовать гибкий график работы, позволяющий женщинам организовать трудовую деятельность с учетом потребностей по уходу за детьми. Ответы респондентов об использовании гибкого графика работы разделились поровну: 49 % ответили, что имеют возможность работать по гибкому графику, 51 % – не имеют. Таким образом, результаты исследования показали, что на сегодняшний день практика гибких форм занятости используется работодателями пока недостаточно активно. Закрепленное законодательством право родителей, имеющих ребенка в возрасте до 14 лет, использовать гибкий рабочий график, могло бы, на взгляд авторов, поспособствовать активизации занятости матерей.

Для оценки удовлетворенности женщинами республики мерами семейной политики, вошедшими в силу с 2007 г., Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан было проанализировано, насколько финансовая поддержка в виде материнского капитала, по мнению женщины, повлияла на их репродуктивные намерения (рис. 5). По полученным данным, более половины респондентов оценили влияние такой меры демографической политики 2007 г. как очень сильное; процент отрицательно ответивших крайне низкий (5 %). Такой показатель говорит о важной роли экономических факторов, влияющих на репродуктивное поведение российских женщин.

Р и с. 5. Степень влияния материнского капитала на уровень рождаемости в стране по результатам опроса женщин репродуктивного возраста в Республике Татарстан, %

F i g. 5. Degree of influence of maternal capital on the birth rate in the country according to a survey of women of reproductive age in the Republic of Tatarstan, %

Обсуждение и заключение. В настоящей работе рассмотрены вопросы поиска решения для построения женщиной баланса между материнством и собственной реализацией на рынке труда, проведена оценка влияния роли государственной поддержки на такую важную составляющую демографической устойчивости, как репродуктивное поведение женщин. К видам поддержки рождаемости относятся монетарные меры (единовременные выплаты, связанные с рождением ребенка, денежные пособия по уходу за ребенком) и меры, направленные на создание условий для сочетания материнства и трудовой занятости женщин (гарантированный отпуск по уходу за ребенком, субсидируемые государством дошкольные учреждения и пр.).

Теория не дает однозначного ответа по поводу влияния финансовых мер семейной политики на решение женщин работать и совмещать материнство с занятостью. Помимо экономической составляющей в данном вопросе необходимо учитывать такие факторы, как собственные предпочтения женщины, государственную политику на рынке труда, качество институциональных услуг по уходу за детьми, предоставляемых государством. Однако в условиях, когда именно женщины-матери в большей степени сталкиваются с необходимостью совмещения родительских обязанностей с трудовой занятостью, государственная поддержка может облегчить женщинам решение задачи по достижению нужного баланса между оплачиваемым трудом и трудом в семье, благоприятно повлиять на решение женщины вернуться на работу после отпуска по уходу за ребенком и положительно сказаться на степени удовлетворенности работой.

Данный аргумент подтверждается эмпирическими данными исследования на примере Республики Татарстан, проведенного Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. На фоне тенденции повышения возраста материнства и отложенного деторождения были определены основные факторы, препятствующие рождению желаемого числа детей в семьях республики. Среди таких факторов, как в городах, так и в сельских поселениях, лидирующее место заняли материальные трудности, на втором месте оказалось состояние здоровья женщин.

Сравнение степени участия на рынке труда женщин-матерей и женщин, не имеющих детей, показало, что различия в количестве рабочего времени не являются статистически значимыми. Данный вопрос требует более детального анализа. Так, изучение трудовой занятости женщин разных категорий (женщин с маленькими детьми, многодетных матерей, женщин, разделенных по числу уже рожденных детей и др.) является отправной точкой для будущего научного исследования.

Наибольший интерес представляют выводы по оценке роли мер семейной политики в выстраивании диалога между родительством

и занятостью, сделанные в рамках данной работы. Анализ результатов социологического опроса, касающихся длительности используемого декретного отпуска и институциональных услуг по уходу за ребенком, показал большую роль данных мер государственной поддержки: оплачиваемый отпуск используется большинством опрошенных, а основной причиной досрочного выхода из отпуска по уходу за ребенком выступает необходимость повышения доходов. В ходе сравнительного анализа посещаемости детьми детских садов в городах и сельской местности республики были выявлены существенные различия в сторону более высокой востребованности и доступности данной услуги в городах.

Подытоживая полученные результаты по оценке основных мер семейной политики женщинами Республики Татарстан, можно сделать вывод о достаточно высокой степени востребованности уже существующих составляющих политики государства по обеспечению баланса жизни и труда для женщин-матерей, но и необходимости новых мер, направленных на изменение гендерной роли женщины на рынке труда и более широкую практику гибких форм занятости.

Таким образом, практическая значимость статьи состоит в обосновании существующих методов государственного сопутствия эффективной занятости женщин в регионе, в выявлении значимых положительных и проблемных сторон этой деятельности, а также в определении прогностических направлений оптимизации регионального процесса регулирования занятости женщин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cigno A. *Economics of the Family*. Oxford, England: Clarendon Press, 1991. 224 p. URL: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (дата обращения: 21.06.2019).

2. Blundell R., Macurdy T. Labor supply: A Review of Alternative Approaches // *Handbook of Labor Economics*. 1999. Vol. 3. Pp. 1559–1695. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1573-4463\(99\)03008-4](https://doi.org/10.1016/S1573-4463(99)03008-4)

3. Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skromnye-demograficheskie-rezultaty-pronatalistskoy-politiki-v-kontekste-dolgovremennoy-evolyutsii-rozhdaemosti-v-rossii-chast-2> (дата обращения: 11.03.2019).

4. Fertility, Female Labor Force Participation, and the Demographic Dividend / D. Bloom [et al.] // *Journal of Economic Growth*. 2009. Vol. 14, issue 2. Pp. 79–101. DOI: <https://doi.org/10.3386/w13583>

5. Fraser N. After the Family Wage: What do Women Want From Social Welfare? // *Social Justice*. 1994. Vol 21, no. 1. Pp. 80–86. URL: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (дата обращения: 21.06.2019).

6. Crompton R. Gender Restructuring, Employment and Caring // *Social Politics*. 2001. Vol. 8, issue 3. Pp. 266–291. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/8.3.266>
7. Taylor R. The Future of Work-Life Balance. Swindon: ESRC Future of Work Programme Seminar Series. 2001. URL: http://files.observatoriolaboral.webnode.cl/200000009-56d3857cd6/future_of_work_life_balance_tcm8-13554.pdf (дата обращения: 21.06.2019).
8. Auer M. The Relationship Between Paid Work and Parenthood? A Comparison of Structures, Concepts and Developments in the UK and Austria // *Community, Work & Family*. 2002. Vol. 5, issue 2. Pp. 203–218. DOI: <https://doi.org/10.1080/13668800220146373>
9. Lewis S., Lewis J. The Work-Family Challenge: Rethinking Employment. London: Sage, 1996. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446280201>
10. Gatrell C. Hard Labour: The Sociology of Parenthood. Maidenhead: Open University Press, 2004. 256 p. URL: <https://www.amazon.co.uk/Hard-Labour-Sociology-Parenthood-Family/dp/0335214886> (дата обращения: 21.06.2019).
11. McKie L., Bowlby S., Gregory S. Gender, Caring and Employment in Britain // *Journal of Social Policy*. 2001. Vol. 30, issue 2. Pp. 233–258. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047279401006262>
12. Wattis L., Standing K., Yerkes M. A. Mothers and Work-Life Balance: Exploring the Contradictions and Complexities Involved in Work-Family Negotiation // *Community, Work & Family*. 2013. Vol. 16, issue 1. Pp. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/13668803.2012.722008>
13. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The Demographic Impact of Fertility Benefits: Evidence From a Micro-Model and From Macro-Data // *The Family, the Market and the State in Ageing Societies* / J. Ermisch, N. Ogawa, eds. Oxford, England: Clarendon Press. Pp. 79–104. URL: <https://global.oup.com/academic/product/the-family-the-market-and-the-state-in-ageing-societies-9780198288183?cc=ru&lang=en&> (дата обращения: 21.06.2019).
14. Gauthier A. H. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature // *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26, issue 3. Pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>
15. Olivetti C., Petrongolo B. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // *Journal of Economic Perspectives*, American Economic Association. 2017. Vol. 31, issue 1. Pp. 205–230. DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>
16. Vuri D. Do Childcare Policies Increase Maternal Employment? // *IZA World of Labor*. 2016. P. 241. DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.241>
17. Bick A. The Quantitative Role of Child Care for Female Labor Force Participation and Fertility // *Journal of the European Economic Association*, European Economic Association. 2016. Vol. 14, issue 3. Pp. 639–668. DOI: <https://doi.org/10.1111/jeea.12143>
18. Слонимчик Ф., Юрко А. В. Оценка влияния политики материнского капитала в России [Электронный ресурс] // *Демографическое обозрение*. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-kapitala-v-rossii> (дата обращения: 14.03.2019).

19. Elizarov V., Levin V. Family Policies in Russia: Could Efforts to Raise Fertility Rates Slow Population Aging? Russian Federation Aging Project. Washington, D.C.: World Bank Group. 2015. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/257131468000013801/Family-policies-in-Russia-could-efforts-to-raise-fertility-rates-slow-population-aging> (дата обращения: 14.03.2019).

20. Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // Регионология. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>

21. Шадриков А. В. Репродуктивные установки молодых сельских женщин Республики Татарстан // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

22. Калабихина И. Е., Федотова О. Особенности проведения политики сочетания профессиональной и семейной жизни населения в европейских странах // Научные исследования экономического факультета: Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2012. Т. 4, № 2. С. 107–129. URL: https://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2012/2012.volume_4.issue_2/The_policy_mix_of_professional_and_reproductive_functions_of_women_and_men_in_the_European_countries/ (дата обращения: 11.03.2019).

23. Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н. М. Биктимиров [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2019. Т. 12, № 3. С. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12>

Поступила 30.06.2019; принята к публикации 04.08.2019; опубликована онлайн 30.12.2019.

Об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Гневашева Вера Анатольевна, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus Author ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Валидова Асия Фаритовна, старший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна – научное руководство исследованием «Трудовая занятость в структуре репродуктивно-родительских стратегий современной женщины в Республике Татарстан»; организация, реализация эмпирического исследования; сбор и обработка данных.

Гневашева Вера Анатольевна – работа над теоретической и практической частью статьи; работа над расчетами множественной регрессии и корреляционных зависимостей ключевых факторов исследования.

Валидова Асия Фаритовна – разработка программы исследования; работа над теоретической и практической частью статьи; доработка статьи.

Для цитирования:

Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф. Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в Республике Татарстан // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 4. С. 801–830. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Cigno A. *Economics of the Family*. Oxford, England: Clarendon Press; 1991. Available at: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (accessed 21.06.2019). (In Eng.)
2. Blundell R., MaCurdy T. Labor Supply: A Review of Alternative Approaches. *Handbook of Labor Economics*. 1999; 3:1559-1695. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S1573-4463\(99\)03008-4](https://doi.org/10.1016/S1573-4463(99)03008-4)
3. Zakharov S.V. Modest Demographic Results of the Pronatalist Policy in the Context of Long-Term Evolution of Fertility in Russia. Part 2. *Демографическое обозрение = Demographic Review*. 2016; 3(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/skromnye-demograficheskie-rezultaty-pronatalistskoj-politiki-v-kontekste-dolgovremennoy-evolyutsii-rozhdaemosti-v-rossii-chast-2> (accessed 11.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Bloom D., Canning D., Fink G., Finlay J. Fertility, Female Labor Force Participation, and the Demographic Dividend. *Journal of Economic Growth*. 2009; 14(2):79-101. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3386/w13583>
5. Fraser N. After the Family Wage: What do Women Want from Social Welfare? *Social Justice*. 1994; 21(1):80-86. Available at: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (accessed 21.06.2019). (In Eng.)
6. Crompton R. Gender Restructuring, Employment and Caring. *Social Politics*. 2001; 8(3):266-291. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/8.3.266>
7. Taylor R. The Future of Work-Life Balance. Swindon: ESRC Future of Work Programme Seminar Series; 2001. Available at: http://files.observatoriolaboral.webnode.cl/200000009-56d3857cd6/future_of_work_life_balance_tcm8-13554.pdf (accessed 21.06.2019). (In Eng.)
8. Auer M. The Relationship between Paid Work and Parenthood? A Comparison of Structures, Concepts and Developments in the UK and Austria. *Community, Work & Family*. 2002; 5(2):203-218. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/13668800220146373>
9. Lewis S., Lewis J. *The Work-Family Challenge: Rethinking Employment*. London: Sage; 1996. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446280201>

10. Gatrell C. *Hard Labour: The sociology of Parenthood*. Maidenhead. Open University Press; 2004. Available at: <https://www.amazon.co.uk/Hard-Labour-Sociology-Parenthood-Family/dp/0335214886> (accessed 21.06.2019). (In Eng.)

11. McKie L., Bowlby S., Gregory S. Gender, Caring and Employment in Britain. *Journal of Social Policy*. 2001; 30(2):233-258. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047279401006262>

12. Wattis L., Standing K., Yerkes M.A. Mothers and Work-Life Balance: Exploring the Contraindications and Complexes Involved in Work-Family Negotiation. *Community, Work & Family*. 2013; 16(1):1-19. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/13668803.2012.722008>

13. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The Demographic Impact of Fertility Benefits: Evidence from a Micro-Model and from Macro-Data. In: J. Ermisch, N. Ogawa, eds. *The Family, the Market and the State in Aging Societies*. Oxford, England: Clarendon Press; 1994. p. 79-104. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/the-family-the-market-and-the-state-in-ageing-societies-9780198288183?cc=ru&lang=en&> (accessed 21.06.2019). (In Eng.)

14. Gauthier A.N. The Impact of Family Policies on Fertility in Industrialized Countries: A Review of the Literature. *Population Research and Policy Review*. 2007; 26(3):323-346. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

15. Olivetti C., Petrongolo B. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries. *Journal of Economic Perspectives*. *American Economic Association*. 2017; 31(1):205-230. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>

16. Vuri D. Do Childcare Policies Increase Maternal Employment? In: IZA World of Labor. Institute for the Study of Labor (IZA). 2016. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15185/izawol.241>

17. Bick A. The Quantitative Role of Child Care for Female Labor Force Participation and Fertility. *Journal of the European Economic Association*. European Economic Association. 2016; 14(3):639-668. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/jeea.12143>

18. Slonimczyk F., Yurko A.V. Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2015; (3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-politiki-materinskogo-kapitala-v-rossii> (accessed 14.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Elizarov V., Levin V. Family Policies in Russia: Could Efforts to Raise Fertility Rates Slow Population Aging? Russian Federation Aging Project. Washington, D.C.: World Bank Group; 2015. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/257131468000013801/Family-policies-in-Russia-could-efforts-to-raise-fertility-rates-slow-population-aging> (accessed 14.03.2019). (In Eng.)

20. Validova A.F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(3):494-511. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511>

21. Shadrikov A.V. Reproductive Attitudes of Young Rural Women of the Republic of Tatarstan. *Regionologiya* = Regionology. 2019; 27(1):122-137. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.122-137>

22. Kalabikhina I.E., Fedotova O. Features of Work-Family Reconciliation Policy in European Countries. *Nauchnye issledovaniya ehkonomicheskogo fakulteta: Ehlektronnyj zhurnal ehkonomicheskogo fakulteta MGU imeni M. V. Lomonosova* = Scientific Research of the Faculty of Economics: Electronic Magazine. 2012; 4(2):107-129. Available at: https://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2012/2012.volume_4.issue_2/The_policy_mix_of_professional_and_reproductive_functions_of_women_and_men_in_the_European_countries/ (accessed 11.03.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Biktimirov N.M., Gaifutdinova R.M., Ibragimova A.A., Ildarkhanova Ch.I. Intra-Regional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(3):189-202. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.12>

Submitted 30.06.2019; accepted for publication 04.08.2019; published online 30.12.2019.

About the authors:

Chulpan I. Ildarhanova, Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>, Researcher ID: N-6382-2016, chulpanildusovna@gmail.com

Vera A. Gnevasheva, Principal Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russia), Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3596-661X>, Researcher ID: E-3157-2014, Scopus Author ID: 57197809094, vera_cos@rambler.ru

Asiya F. Validova, Senior Researcher, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

Contribution of the authors:

Chulpan I. Ildarhanova – academic supervision of the study ‘Employment in the structure of reproductive and parental strategies of the modern woman in the Republic of Tatarstan’; organization and implementation of empirical research; data collection and processing.

Vera A. Gnevasheva – work on the theoretical and practical parts of the article; calculation of the multiple regression and correlation dependencies of the key research factors.

Asiya F. Validova – development of the research program; work on the theoretical and practical parts of the article; revision of the article.

For citation:

Ildarhanova Ch.I., Gnevasheva V.A., Validova A.F. Dialogue of Labor and Motherhood in the Context of Socio-Economic and Territorial Differentiation in the Republic of Tatarstan. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(4):801-830. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.801-830>

The authors have read and approved the final version of the manuscript.